

В императорском дворце новости распространяются словно невидимые нити, бесшумно опутывающие каждый уголок, и всё же, подобно цветам в тумане, разглядеть истинную картину бывает непросто.

Разговоры дворцовых слуг неизменно крутятся вокруг тех немногих особ, что способны взбудоражить двор, и сейчас в самом центре этого водоворота оказалась благородная госпожа Тун из Императорского сада. Весть о том, что она день ото дня пользуется всё большей милостью, разнеслась по всем закоулкам дворца, подобно весеннему ветру.

— Ты слышала? Благородная госпожа Тун нынче у самого Императора в фаворитах. Ей дозволено свободно входить и выходить из Зала Услаждения Сердца — неслыханная почесть, какой еще не знала наша династия.

Служанка в розовом платье, оживленно рассказывая об этом подруге, не могла скрыть в глазах любопытства и легкой зависти.

— И не говори. Несколько дней назад я видела, как она вместе с Императором любовалась цветами в саду у Зала Услаждения Сердца. Взгляд Его Величества был полон такой нежности... Любой, кто это видел, понял бы, какое особое место занимает благородная госпожа Тун в сердце государя.

Вторая служанка вторила ей, невольно сжимая в руках шелковый платок. Изначально возвышение благородной госпожи Тун, естественно, разожгло пламя ревности среди многих наложниц. Но, к счастью, императрица оказалась женщиной рассудительной и великодушной. Воспользовавшись случаем побеседовать с новыми сестрами, она, казалось бы, невзначай, но весьма искусно намекнула на некие суровые нравы Императора, и после этого ветер зависти стих. Услышав те туманные слова, наложницы, хоть и затаили обиду, постепенно умилили свою враждебность. Теперь, глядя на благородную госпожу Тун, они испытывали смешанные чувства, в которых отчетливо проступала жалость.

Впрочем, в стенах этого дворца сплетни и желчь, подобно мху в тенистых углах, упорно прорастали даже при смене обстановки.

— И что он в ней нашел? Фигура — высокая, но уж слишком хрупкая. Лицо — не сказать что писаная красавица. Характер холодный, нелюдимый.

Одна из придворных дам хмурилась, полная недоумения и затаенной горечи.

— Кто знает? Может, Императору как раз и нравится такая необычность.

В это время благородная госпожа Тун, растиравшая тушь в Зале Услаждения Сердца, тихо чихнула. Цзун Тинлин, до этого углубленный в изучение свитков, был отвлечен этим внезапным звуком. Он поднял взгляд на Тун Цзыгэ и спросил с ноткой заботы:

— Простудилась?

Тун Цзыгэ поспешно и едва заметно покачал головой. Кисточки на его головном уборе качнулись у щек, подчеркивая худобу и мягкость черт его лица. В этот момент в зал вошел евнух Ся. Он осторожно держал чашку с дымящимся чаем и почтительно произнес:

— Ваше Величество, ваш женьшеневый чай.

Цзун Тинлин бросил взгляд на чашку, слегка махнул рукой и, повернувшись к Тун Цзыгэ, распорядился:

— Отдай благородной госпоже Тун.

Услышав это, Тун Цзыгэ охватила тревога. В его глазах мелькнула растерянность, он машинально посмотрел на Цзун Тинлина. Тот, заметив замешательство фаворита, слегка нахмурился и произнес тоном, не терпящим возражений:

— Не болтай лишнего. Велено пить — пей. Укрепишь свое здоровье, а то по вечерам вечно тебя надолго не хватает...

Лицо Тун Цзыгэ мгновенно вспыхнуло, румянец разлился до самых ушей. Он опустил голову, пытаясь скрыть смущение и неловкость, и дрожащими руками принял чашку, от которой исходил ароматный пар. Сделав глоток, он ощутил, как терпкий и сладковатый вкус женьшеня разливается по языку, медленно согревая горло и проникая вглубь тела.

Евнух Ся, обладавший исключительной проницательностью, бесшумно удалился, оставив Тун Цзыгэ и Цзун Тинлина в тишине комнаты, наполненной сложными чувствами. Тун Цзыгэ пил чай маленькими глотками, ощущая разливающееся по телу тепло. Осушив половину, он поставил чашку на столик.

Цзун Тинлин невольно задержал взгляд на покрасневшем лице Тун Цзыгэ. Через мгновение он произнес — голос его звучал ровно, но с едва уловимой нежностью:

— Твои родные в безопасности. Твоя сестра сменила имя и уехала на Северные Границы вместе со своим возлюбленным, чтобы заключить брак.

Тун Цзыгэ, стоявший до этого в некотором замешательстве, вмиг просиял. С тех пор как он попал во дворец, это были первые известия о сестре. Почти не раздумывая, он опустился на колени:

— Благодарю Ваше Величество.

Цзун Тинлин слегка приподнялся, взял Тун Цзыгэ за руку и одним движением поднял его, тут же притянув в свои объятия. Тело Тун Цзыгэ напряглось, румянец стал еще ярче. Он отчетливо чувствовал мощную грудь Цзун Тинлина и его ровное сердцебиение. Теплое дыхание государя щекотало ухо, заставляя сердце Тун Цзыгэ биться чаще.

Цзун Тинлин склонился к самому его уху, и его голос, низкий и обволакивающий, прозвучал снова:

— Разумеется, это лишь потому, что ты хорошо меня ублажаешь. Я говорил: если будешь радовать меня, я не стану наказывать твою семью за подмену невесты. В будущем старайся еще лучше.

Сердце Тун Цзыгэ, только что бившееся в лихорадке, мгновенно остыло. Он не был слабым и легко поддающимся судьбе человеком, просто события последних дней обрушились на него, словно яростный шторм, предел его выносливости был пройден. Он еще не знал, что такое любовь, но после той ночи смутно догадывался о многом. Отношение к Императору изменилось: прислуживая в Зале Услаждения Сердца, он стал незаметно изучать его предпочтения, особенно те, что касались его поведения.

Судя по словам Императора, он прекрасно осведомлен о делах его семьи, и выбраться отсюда в ближайшее время будет трудно. Раз так, вместо того чтобы рисковать, лучше завоевать расположение Императора, чтобы обезопасить близких.

Например, сейчас. Он подумал, что, возможно, стоит уронить пару слезинок, чтобы порадовать Цзун Тинлина. Тун Цзыгэ опустил голову, прикусил губу и через мгновение поднял глаза, в которых уже блестели прозрачные слезы.

И действительно, Император выглядел довольным. Похоже, ему нравилось видеть, как другие вынужденно подчиняются или проявляют слабость. Тун Цзыгэ запомнил это, про себя отметив, что Император явно болен на голову. К счастью, сегодня Цзун Тинлин был в прекрасном расположении духа, и даже его взгляд, обращенный на Тун Цзыгэ, стал мягче и снисходительнее.

Цзун Тинлин взял кисть, положил перед собой чистый лист бумаги и обратился к Тун Цзыгэ:

— Ты давно во дворце, но я до сих пор не видел, как ты пишешь свое имя.

Тун Цзыгэ подумал: как он мог не навести справки? Но все же взял кисть и вывел имя, которое не писал уже очень давно — Тун Шу.

Цзун Тинлин всмотрелся в иероглифы, приподнял бровь и спросил:

— Что означает этот иероглиф Шу?

Тун Цзыгэ опустил взгляд:

— Шу — это рассвет.

Цзун Тинлин усмехнулся, в его улыбке таился глубокий смысл. Он медленно протянул руку, и его длинные, узловатые пальцы коснулись кожи под глазами Тун Цзыгэ, стирая слезу. Не отрывая взгляда от его лица, он с насмешкой процитировал:

— А я вижу иное: Слезы текут, и так мне печально, что до самого рассвета не могу уснуть.

Тун Цзыгэ с детства был прилежным читателем. Он любил стихотворение Печальный ветер, но теперь, поняв намек Императора, ощутил лишь отвращение. Цзун Тинлин, не заметив перемены в настроении Тун Цзыгэ, продолжал развлекаться. Наклонив голову, он с интересом спросил:

— А твое второе имя?

Тун Цзыгэ молча обмакнул кисть в тушь и вывел: Цзыгэ.

Император первым рассмеялся:

— Это из Песен полуночи?

Ресницы Тун Цзыгэ дрогнули. Он глубоко вздохнул, подавляя омерзение, и ответил, подстраиваясь под желания Цзун Тинлина:

— Да. Склонюсь на колени к господину — где мне не будет пощады?

Цзун Тинлин разразился громким хохотом. Смех его разнесся по Залу Услаждения Сердца, звуча необычайно раскатисто.

— Моя благородная госпожа Тун... ты не только блещешь талантами, но и весьма искушена в любовных делах.

Цзун Тинлин был доволен, а Тун Цзыгэ почувствовал тошноту. Если раньше его унижали физически, то теперь он чувствовал, что осквернена сама его душа.

Пока он пребывал в глубокой задумчивости, нос внезапно пронзило неприятное жжение. Не успел он среагировать, как услышал отчетливый звук капли — ярко-алая кровь упала прямо на бумагу, растекаясь по только что выведенному имени. Он машинально дотронулся до лица, ощутив тепло и вязкость на пальцах, и замер, словно лишившись чувств.

Цзун Тинлин, увидев это, перепугался. Улыбка мгновенно исчезла, сменившись тревогой. Он крепко обнял Тун Цзыгэ и стал платком вытирать кровь, продолжавшую течь из носа, с тревогой спрашивая:

— Отчего у тебя такое слабое здоровье? Неужели женьшеневый чай пошел не впрок?

Тун Цзыгэ, сидя в его объятиях, смотрел прямо в лицо Цзун Тинлина и, ощущая его чрезмерную нежность, на мгновение потерял связь с реальностью.

<http://bllate.org/book/22353/2342723>